

А. ТУРКОВ

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЛОКУ

Новые книги
о поэте

В прошлом году наша страна и весь прогрессивный мир торжественно отмечали знаменательную дату в истории русской литературы — 100-летие со дня рождения Александра Блока. Юбилей великого поэта послужил новым поводом для публикации исследований о его жизни и творчестве. О некоторых из этих работ сегодня, в дни традиционного блоковского праздника поэзии, рассказывает автор публикуемой статьи.

ЖИЗНЬ блоковских произведений продолжается, и каждое новое вдумчивое слово о них с живым интересом встречается многочисленными любителями поэзии.

С истинно ленинградской точностью — прямо под праздником — вышла книга Вл. Орлова «Поэт и город. Александр Блок и Петербург» (Лениздат, 1980).

«...Петербург Блока — наиболее реальный из Петербургов, нарисованных художниками новейшего времени... образ этого города составлен из черт, отраженных рукой такого неравною и подвергся такому одухотворению, что весь превращен в захватывающее явление редчайшего внутреннего мира». Открывая свою книгу этими словами Бориса Пастернака, Вл. Орлов пишет, что в них «сказано, в сущности, основное, главное и решающее», а все остальное, что читатель найдет на ее страницах, — лишь «обоснование и истолкование, иллюстрации и подробности».

Надеюсь, однако, что читатель рассудит иначе и поставит труд автора куда выше, по достоинству оценив внутренний лиризм этой книги «о нашем городе и о нашем поэте», как лаконично и вместе с тем взволнованно сказано в ее посвящении.

В плане и «архитектуре» книги есть строгость и одновременно простор, глубоко родственные одному (да, впрочем, пожалуй, и другому!) ее герою.

В очерке эволюции «петербургской» темы в русском искусстве Вл. Орлов в который раз показал себя прекрасным знатоком поэзии, готовым поделиться с читателем своими «счастливыми находками», такими, например, как позабытые строки Надсона, «в какой-то мере, — по убеждению исследователя, — предупредившие открытия новой поэтической эпохи».

Но, конечно, главное в книге — блоковский Город. «Чтобы узнать хорошо Петербург, — писал Аполлон Григорьев, — надобно посвятить ему всю жизнь свою, предаться душой и телом». «Блок так и сделал», — замечает Вл. Орлов. Но он и сам поступил так же в отношении блоковского Петербурга (и в этом смысле обращает на себя внимание лиризм неоднократно возникающих в книге благодарных воспоминаний об одном из первых истолкователей темы и «наставнике юности» автора — Н. П. Анциферове).

Внимательно прослеживает исследователь в творчестве поэта развитие образа тогдашней русской столицы, его переменчивую жизнь, то, как с ходом истории и эволюций взглядов писателя «даже в самом облике Города, казалось бы, знакомом

до-самомалейших подробностей, Блоку открывались новые, раньше остававшиеся неприемлемыми черты».

Вл. Орлов по-настоящему влюблен и в поэта, и в Город. И порой, как издавна свойственно людям в этом состоянии, бывает несколько пристрастен в суждениях. Пристрастность эта ощутима, например, в том полемическом азарте, который автор книги проявляет в оценке романа Андрея Белого «Петербург», оценке, во многом расходящейся с самим Блоком.

«МОСКОВСКИЙ патриотизм» побуждает меня, однако, утверждать, что и в столице есть влюбленные в Блока люди. Таков, например, Станислав Лесневский — автор книги «Путь, открытый взором» («Московский рабочий», 1980).

Уже ее подзаголовок — «Московская земля в жизни Александра Блока. Биографическая хроника» — как бы предваряет исходный тезис исследователя: «...вместе с Петербургом в жизни и поэзии Блока дышит Подмоскovie», хотя «за петербургской архитектурой поэзии Блока не вдалеке заметна ее московская почва».

Действительно, в представлении значительного большинства людей Блок по преимуществу рисуется на петербургском фоне и в петербургском окружении, между тем как «подземный рост души», которому, по его убеждению, всегда обязаны своим возникновением писательские творения, во многом происходил в «благоуханной глуши» маленького Шахматова, в сложном и трудноопределимом «магнитном поле» воздействия родной природы, традиционного усадьбного быта, смутных отголосков жизни окрестных деревень.

Станислав Лесневский и заданная интереснейшей целью — уловить этот подспудный, таинственный процесс в будничном течении трудов и дней одного из обитателей скромного дома семьи Бекетовых. Отсюда — кропотливость и обстоятельность этого исследования, отсюда в значительной мере и его размах (пространная хроника охватывает лишь период с 1880 по 1905 год). Уже известные сведения о жизни поэта в Шахматове и его связях с литературной Москвой обильно дополнены документальным материалом, почерпнутым автором в государственных архивах и частных собраниях. Временами книга даже выходит за предначертанные ей автором «московские» рамки и начинает выглядеть хроникой жизни Блока вообще.

Ее построение, уж конечно, не «петербургское», а типично московское, прихотливое, далекое от выверенной стройности. Как дома на некоторых старых улицах столицы, здесь соседст-

вуют самые разные факты, равно дорогие автору, поскольку они для него освящены именем Блока, но далеко не всегда создающие впечатляющий ансамбль и подчас даже расхолаживающие читателя своей обыденностью, незначительностью: «27 апреля Блок отправляет матери открытку с Подсолнечной: «Милая мама, приехали благополучно, Мартина нет (твое письмо я взял с почты), в Клину пили кофе, погода очень хорошая, солнце». Из Шахматова никто не приехал встретить на станцию. «Сейчас буду нанимать ямщика», — пишет сын», — и т. п.

От «сноса» подобных строк и страниц книга решительно выпирала бы: мысли автора выступили бы в более ясной перспективе и истинные истоки блоковской поэзии не засорялись бы частностями, которых в любой жизни тьма-тьмуца и которые в данном случае привлекают автора всего лишь потому, что как-то связаны с Москвой («В № 4—5 «Вопросов жизни» опубликованы статья Блока «Творчество Вячеслава Иванова» и несколько рецензий, в том числе на вышедшую в Москве первую книгу стихов и прозы Виктора Стражева...» — да разве имеет значение, где вышла эта слабая, справедливо раскритикованная Блоком книжка?!).

НЕМАЛО интересных сведений почерпнет читатель в книге В. Енишерлова «Александр Блок. Штрихи судьбы» («Современник», М. 1980). Она довольно фрагментарна: материалы к биографии А. Блока (таков подзаголовок первого раздела) сочетаются в ней со «страницами творчества», где по преимуществу дается обзор критической деятельности поэта. Однако многие страницы книги, в особенности главы, посвященные обстоятельному прослеживанию родословия поэта, читаются с живейшим вниманием.

«Каноничнее» всех вышеназванных книг по своей форме «очерк жизни и творчества», как определил жанр книги «Александр Блок», (Киев, «Дніпро», 1981) ее автор — С. Бурого. Однако за этой строгостью и «старомодной» «одежкой» читатель вскоре же ощутит мысль живую и самостоятельную, подчас полемическую по отношению к установившимся мнениям. Исследователь оспаривает представление о «слишком уж идеальной обстановке блоковского детства», стремится объективнее, чем то часто делается, оценить фигуру отца поэта и, в частности, высказывает интересное предположение, что для Блока в период формирования замысла поэмы «Возмездие» оказалась «важна... вся романтическая сторона мировоззрения отца».

С. Бурого отчетливо ставит творчество поэта в контекст истории мирового романтизма, считая, например, что в своей известной речи «О современном состоянии русского символизма» Блок отстаивал не столько саму эту литературную школу, сколько свойственное ей романтическое мировоззрение. Автору книги и в других случаях свойственно плодотворное стремление рассматривать события жизни и творчества Блока в их объективной значимости, а не применительно к преходящим интересам групп и течений или последующим оценкам последних в критике. Так, исследователь пишет, что «отношение поэта к русскому реализму начала XX века — больше, чем отношение к литературной «школе». Реализм для Блока — это выражение «народной стихии».

И хотя главный интерес книги — в новом истолковании многих прекрасно известных всем страниц и фактов, в нащупывании большей, чем обычно представляется, органической цельности всего творчества поэта (начиная с его тонко проанализированных юношеских стихов), одновременно она обогащает читателя рядом интересных сведений об идиентворческих импульсах, исходивших от окружавшей Блока действительности и чутко и вдумчиво им претворенных (особенно интересны в этом отношении страницы, посвященные поэту Леониду Семенову, личностью которого интересовался даже Лев Толстой, и его невесте — легендарной революционерке Марии Добролюбовой).

Жаль, что крайне скромный тираж книги киевского исследователя (12 тысяч экземпляров) весьма затрудняет «встречу» читателей с ней.

МНОГИЕ писатели испытали и испытывают «приливы и отливы» читательского интереса. Но та высокая «приливная волна», которая давно обозначилась в отношении нашего общества к блоковскому наследию, кажется, и не думает спадать и выносит на своем гребне все новые и новые работы, не схожие, убежденно спорящие друг с другом, а в целом помогающие читателям еще больше оценить это замечательное явление отечественной культуры.